ХОСЕ ЛЕОН САНЧЕС

ОСТРОВ ОДИНОКИХ МУЖЧИН

В переводе Владимира Антонова

Санкт-Петербург
2019

Хосе Леон Санчес

Остров одиноких мужчин / Хосе Леон Санчес. Пер. с исп. В. Антонов, 2019. 338 с.

Книга рассказывает о несчастной жизни молодого крестьянина, волею судьбы оказавшегося в заключении на острове Сан Лукас – одном из самых страшных из известных мест лишения свободы.

«… при двадцатипроцентной ежегодной смертности узник, осужденный на пять лет в Сан Лукасе, имеет все шансы навсегда оставить свои кости именно там».

Остров Одиноких Мужчин – удивительный роман о способности человека выживать в ужасных условиях. Герой романа – простой крестьянин Ясинто, оказавшийся по воле судьбы в заключении, наверное, в одном из самых страшных мест на Земле – в тюрьме на острове Сан Лукас в Коста Рике. Ярким и насыщенным языком этот простой и любящий жизнь крестьянин рассказывает о том, как каждый день он жаждал свободы на протяжении тридцати лет в тюрьме даже более жуткой, чем та, что находилась на острове Дьявола во Франции. Роман насыщен событиями. Месть, побег, погоня, издевательства, убийства, любовь, ненависть... На фоне событий даётся описание непростых, порой ужасных, характеров осуждённых, отбывающих свой срок там же, и описание их преступлений.

Ясинто рассказывает обо всём этом и о повседневной стратегии выживания, не забывая о присущем ему чувстве юмора. Он рассказывает о том, как души людей превращаются в лохмотья, и о том, как он сам благодаря своей неотёсанности и простому сердцу смог выжить, сохранив чувство собственного достоинства и несломленность духа.

Автор, Хосе Леон Санчес, наиболее известный заключённый тюрьмы Сан Лукас за всю историю её существования, оказался там в 1950-м году в возрасте девятнадцати лет и был условно освобождён, когда ему было тридцать шесть. История Ясинто создавалась именно в Сан Лукасе на основе опыта, пережитого не только героем, но и са-

мим автором, его сокамерниками и сотнями других заключённых, отбывавших срок на острове. Записанная на маленьких клочках бумаги и до поры до времени спрятанная в вещевом мешке, история Ясинто смогла преодолеть застенки и оказаться на свободе, где немедленно стала сенсацией. Она стала бестселлером в Мексике и Испании.

Жизнедеятельный и энергичный Леон Санчес после выхода на свободу посвятил свою жизнь реформам исправительной системы Коста Рики.

Он подарил нам «Остров Одиноких Мужчин» как захватывающую историю и как знак надежды.

Камило Хосе Села
Нобелевская премия по литературе 1989.

ОСТРОВ ОДИНОКИХ МУЖЧИН

Пролог автора к первому (подпольному) изданию.

Центральная тюрьма Сан Хосе, Коста Рика, 1950. Темница в короткие утренние часы. Громкий звук поворачивающегося в дверном замке ключа оповещает, что совсем скоро мы будем переведены в Тюрьму Сан Лукас, находящуюся на острове в заливе Никойя. Остров тоже называется Сан Лукас.

Некоторые из моих соседей по камере молятся, стоя на коленях. Они не хотят туда. Такое поведение давно осуждённых людей для меня сюрприз, заставляющий удивляться:

«Разве может быть на земле ещё более нечеловеческое, вызывающее боль и ужас, место, чем то, в котором мы сейчас находимся?».

Понадобилось совсем немного времени, чтобы найти ответ на этот вопрос.

В то время Сан Лукас как раз и был таким ужасным местом, одно лишь воспоминание о котором заставляет меня страдать вновь и вновь. Сегодня я впервые перечитал эту книгу с тех пор, как закончил её в 1963 году и это опять вызвало боль. Память не отпускает, иногда она заставляет меня плакать, потому что страницы этой книги – не выдумка. Я ощущаю плотью своего тела раскалённый

металл, долгие дни в темнице, руки, замкнутые оковами. Ещё я чувствую и то глубокое презрение ко мне как к человеческому существу. Там, в Тюрьме, я понял, что человек может опускаться долго и бесконечно, пока не превратится в собаку или в существо похуже собаки.

Однажды, когда я работал в команде «чистильщиков» на территории Тюрьмы, нам приказали выбросить большое количество старых книг прямо в море. В этих книгах содержались записи о том, что происходило в Тюрьме за многие годы. События, наказания, посещения, происшествия, распоряжения. Всё! Мне удалось сохранить одну из этих книг. Это позволило познакомиться с совершенно невероятным, ужасным и, в то же время, абсолютно безразличным отношением тюремной власти к человеческим жизням. Я подумал: «Если Тюрьма настолько ужасна сейчас, в 1950-м, то как я могу сомневаться в том, что читали мои глаза о её прошлом?». Эта история должна была быть рассказана для того, чтобы мы – сыновья Коста Рики – не смогли её забыть никогда. В 1950-м в Тюрьме находились осуждённые, срок пребывания которых в Сан Лукасе уже превышал двадцать восемь лет. Они представляли из себя не более, чем имитацию или жалкое подобие человека... Для меня было достаточно просто воссоздать эту историю со всей присущей ей глубокой грустью и сожалением.

Костариканский историк Дон Анастасио Альфаро в своей книге «Американская Криминальная Археология» написал о Тюрьме Сан Лукас несколько страниц. В них он говорит нам: «... малярия разрушает тело человека до такой степени, что те, кто не умер в Тюрьме, никогда не смогут вернуться к нормальной жизни на свободе».

«... при двадцатипроцентной ежегодной смертности узник, осуждённый на пять лет в Сан Лукасе, имеет все шансы навсегда оставить свои кости именно там».

Вот так, основываясь на том, что мне удалось изложить на страницах этой книги: фрагментах, фактах, мыслях, убеждениях, я пришёл к выводу, что мне в моей жизни пришлось столкнуться с трагедией, которая на самом деле представляет из себя болезнь общества; продукт преступного безразличия к личности, лишённой свободы в месте, называемом тюрьмой.

Писатель Эрнесто Хелло высказался однажды о писательской профессии. Мне кажется, что было бы правильно упомянуть здесь о его словах: «Писатель ощущает всем своим существом болезненный парадокс, суть которого заключается в непреодолимом стремлении к идеалу, одновременно с этим валяясь подобно животному в вязкой грязи убогой реальности. Этот парадокс заставляет нас живо воспринимать реальности жизни, зажигает в нас огромное желание делать лучше».

В этой книге я рассказываю о Тюрьме Сан Лукас начала двадцатого столетия. Плети и цепи издают характерные звуки, соприкасаясь с телами заключённых, которые считают себя настоящими «мачо», или тех, кто являются обыкновенными дегенератами. Тем немногим невиновным тоже не удаётся их избежать. Я хочу показать глубоко спрятанные внутри часто жалкие, а иногда очень сильные характеры человеческих существ, содержащихся на острове в неволе подобно зверью. Цель этой книги не в том, чтобы заставить людей ощутить горечь сочувствия к прошлому. Она является приглашением думать о будущем.

Хосе Леон Санчес

«Бог этого не видел. Он смотрел в другую сторону».

Ты говоришь то, что они тебе уже рассказали. Да, это правда. Я не умею читать и не умею писать. Но ведь кто-то должен поведать миру о моём и не только моём горе. Я думаю, что именно мне и предстоит это сделать. Тогда правда о нём шаг за шагом раскроется. Я никогда и ничего не знал о книгах. Но зато я умею разговаривать и это у меня получается хорошо. Я могу вам рассказать о том, что пережил, словами, наполненными грустью и болью. По правде говоря, вся моя жизнь действительно наполнена этими чувствами. Я имею в виду грусть. Она очень похожа на ту, которую можно увидеть в глазах стайки ничего с утра не клевавших цыплят, мокнущих к тому же под проливным дождём и мечтающих только об одном – чтобы этот дождь, ужасный и бесконечный, наконец, закончился.

Я рассказывал эту историю, наверное, тысячу раз. Правда, теперь я не помню, сколько раз это было. Я только знаю, что много. Сейчас я обычно повторяю эти слова, вытаскивая каждое из себя, как будто я их читаю в напечатанной в моей памяти газете. Одной из тех, которые продаются в столице. Однако, никто и никогда не просил меня рассказать эту историю для того, чтобы потом поместить её между двумя обложками книги, наполненной всем тем, что вызывает у меня чувства горести и грусти.

Книги, прочитав которую мудрые мужчины, симпатичные женщины и обычные люди, такие как я, смогут представить себе, что означает оказаться в месте, где справа от них нет ничего, кроме моря. Ещё немного моря плещется прямо перед ними в том месте, где в него впадает большая, широкая зелёная река. Потом опять море... Вот тут как раз мы и находимся. На острове, где кроме нас нет больше ничего. Точнее, есть просоленная земля и камни, камни... Их было бы достаточно, чтобы выложить дороги в моём городке, да и во всех остальных городах провинции.

Это история мужчин, которые провели здесь много лет, наполненных одиночеством. Где я сам должен был существовать в полнейшем одиночестве независимо от того, что дарил мне каждый новый день и что я потом мог о нём вспомнить: что-то на мгновение радостное или, наоборот, плохое. То есть то, что стало причиной моего пребывания в Тюрьме острова Сан Лукас. Помимо камней и ужасных солдат–охранников здесь было также и что-то хорошее: пыльные с громоздящимися на них глыбами дороги, утренняя прохлада, окрашенные в фиолетовый цвет полдни, когда солнце «раскрывается» подобно цветку при дороге, повисшей над морем, вдоль которой этот цветок потихонечку движется себе и движется, очень медленно, как всё вокруг, пока вдруг не наступит туманная ночь – чёрная как речная глина зимой, в которой иногда прогля-

дывается белая луна подобно тому, как в прибрежных волнах время от времени появляются и вспыхивают белым перламутром на поверхности воды пустые раковины покинувших их устриц. Но прежде, чем я расскажу вам о том, что из себя представляла моя жизнь в этой адской Тюрьме, вы должны мне пообещать, что меня не накажут за эти слова. Не отправят назад. Никто не должен пострадать! Я прошу! Потому что это будет ужасно, если за рассказанную правду, о чём вы меня так просите, я опять должен буду плакать и страдать. В Тюрьме так горько! И так пахнет зверем... Ладно. Теперь, когда вы уверили меня, что мне нечего бояться, я начну понемногу рассказывать, как я это обычно делаю, и в той манере, в которой умею, о том, что происходит иногда с человеком в его жизни.

Я жил на другой стороне реки Мороте, которая берёт своё начало в горах в нескольких днях пути от залива Никойя. На её берегах я стал мальчишкой, а потом и мужчиной, занимаясь тем, что пас коров для Дона Бето и собирал целебные корни вьющихся и тянущихся к небу лиан, чтобы потом продать их в лавку китайцам.

Река была маленькая, но длинная, подобно лианам, которые можно было найти на любом из склонов соседних гор и которые представляют из себя часть паутины, что опутывает собой всё, что оказывается рядом с ней, начи-

ная с опавших и почерневших листьев у подножия этих гор. Отсюда эта паутина потом устремляется вверх и теряется в вышине среди густой листвы. Река в некоторых местах достаточно глубока. Там аллигаторы сооружают свои подводные пещеры. Именно поэтому мне приходилось быть особенно внимательным и осторожным, когда я пас коров Дона Бето. Я всё время думал о том, что в любой момент одна из коров может найти свою смерть между острых зубов рептилии во время водопоя. В этой реке не было рыбы, но было много разного плавающего древесного мусора по обоим её берегам. Даже когда я жил в бедной хижине и мне было всего тринадцать лет, я могу сказать, что уже тогда я был счастливым человеком. Правда, в свои годы мне пока не выпала удача, как другим, чтобы в двенадцать лет увидеть Санта Круз, Каньяс, Багасис, Лас Юнтас де Абангарес и другие города, где можно было найти странные вещи, что удивляли простых и хороших ребят из нашего городка. Например, свечку внутри стакана. Всё, что было нужно, чтобы она загорелась, это нажать на чёрную кнопочку, похожую на кончик коровьего рога. Я также не видел коробочек, из которых слышалась чудесная музыка, как будто бы кто-то засунул вовнутрь этих коробочек целую группу музыкантов, играющих на маримбе.

Хотя я многого не знал об этих новых вещах, о которых говорили люди, когда возвращались из далёких городов, зато у меня была девушка. Я никогда не дарил ей дорогих подарков, но однажды я забрался вверх на всю длину горы, прямо к тому месту, где берут своё начало реки, а облака окутывают каждый холм. Я хотел собрать букет очаровательных цветов с названием мадрона, которые ей очень нравились. Её имя было Мария Рейна.

Вы знаете, что такое мадрона? Это дерево, которое каждый месяц, когда луна крадётся по небу подобно оленьему хвостику, околдовывает и манит тех, кто живёт среди гор, в больших реках у основания холмов. Они приходят его навестить, встречаются под ним и делают друг друга счастливыми. И женщины, и мужчины. А потом так и живут счастливыми. Люди, кто знают, говорят, что они все имеют белые волосы цвета пудры, которой посыпают маис. Вот почему каждую новую луну цветы мадроны вбирают в себя очарование, полное удачи и везения, которое эти люди оставили в свой последний визит. Вот так. А я просто поднялся в горы и вернулся с букетом цветов. После того, как их срезали, цветы ещё долго живут. Иногда их жизнь длится несколько недель в вазе, наполненной землёй. Когда становится холодно, их подвешивают поближе к огню, но чаще они просто свисают с дерева, как букет банановых цветов, тронутых пчёлами.

Мария Рейна была красива. Её глаза были необыкновенной голубизны, которую можно увидеть только тогда, когда облака проплывают над пастбищем в середине лета. Это случается каждый год. У неё были такие прекрасные светлые волосы, что иногда я их сравнивал с лёгкими солнечными предрассветными лучами, отдыхающими на камнях где-нибудь посреди долины. Или с другими, которые сразу после рассвета уже горят по-настоящему и заглядывают в самые потаённые уголки реки, чтобы там осветить влажные кусты, выглядывающие из воды. Волосы были мягкие и длинные, напоминающие своей шелковистостью бегонию, которая растёт на берегах заводей и ручьёв в джунглях. Её груглая грудь была похожа на два небольших камешка, которые скатились вниз от самого начала реки, сверху, подхваченные потоком её вод, и теперь спокойно лежат на дне посередине русла. Они, эти камешки, были сама свежесть и только–только начали созревать. Я не мог представить себе, что она увидела во мне. Но вопреки моей тёмной коже цвета подгоревшей корочки хлеба и моим волосам, похожим на спутанные струны или лошадиную гриву, и этим глазам метиса, выгоревшим на солнце, и вопреки факту, что я всегда ходил в потёртых штанах, она меня любила.

У неё были сёстры, но ни одна из них не была такой красивой, как Мария Рейна. Когда мы шли куда-нибудь

танцевать, люди, живущие в хижинах по соседству, с удовольствием глядели на нас и начинали мечтать. Я помню очень хорошо, что я страдал, видя, как взрослые мужчины смотрели на неё в этой их особенной, не поддающейся описанию, манере. Они говорили ей всякие заигрывающие словечки, стоя прямо передо мной, с таким заманчивым выражением, что я этого повторить не смогу. Тогда я ещё ничего не знал о смысле этих слов. Музыканты маримбы вставали кончиками пальцев на деревянные основания своих маримб и начинали лучше играть, наблюдая за её парящими движениями и не сводя глаз с розового и нежного тела моей девушки.

Там был один мужчина, который преследовал её больше, чем все остальные вместе взятые. Его звали, причём с большим уважением, Дон Мигель. Никто в городе не имел такого влияния и власти, какие имел он. Он даже имел личное разрешение Президента на использование револьвера. Он был сам Мистер Власть и мог послать любого, кто был против правительства, в тюрьму со связанными сзади руками. Точно так, как он это делал с речными контрабандистами виски. Он имел такую власть, что если ему надо было быстро собрать десять человек для погони за каким-нибудь преступником, вором или убийцей другого Христианина, ему было достаточно только одного слова, чтобы эти десять добровольцев, вооружён-

ных верёвками и мачете, тут же прибыли в его распоряжение, а потом целыми днями и ночами, оторванные от своих домов и семей, бегали по горам, долинам и плантациям за беглецом, пока тот, наконец, не будет схвачен.

Это был Дон Мигель – полицмейстер нашего города. Ему нравилось жевать кусочки сигар и он проводил много времени, выплёвывая их сквозь кончики своих усов, которые постепенно становились всё жёстче и чернее, подобно хвостам скорпионов. Они противно свисали над его верхней губой. Он был высоким, сильным, храбрым и ужасным. Благодаря его репутации храброго человека, он был мечтой всех одиноких местных женщин. Каждая из них хотела бы постоянно быть с ним и жить в одном доме. Так обычно и образуются супружеские пары в городках типа нашего, где раз в году в особые жаркие дни в конце лета приезжал падре и официально проводил обряд вступления в брак тех, у кого терпение к этому времени уже закончилось. Чёрные глаза Дона Мигеля смотрели на каждого, как будто из могилы. Он любил ходить босиком, но при этом не забывал одевать на себя краги, которые заканчивались парой серебрянных шпор, которые, по слухам, ему подарил сам Президент. На ремне вокруг его пояса висел револьвер и заточенное как бритва мачете, которое он никогда не вынимал из кожаного чехла.

Он был не из нашего города. Он приехал в комиссариат городка Чино Хуан и сказал, что он теперь здесь Закон, и он показал бумагу местному тюремщику, которую никто не знал, как прочитать, и это было всё. Больше ничего.

Через несколько дней после своего прибытия Мистер Власть увидел отца Марии Рейны и сказал:

– Утро, доброе утро, сеньор Гамерсиндо.

– Да благословит Господь Ваш день, Дон Мигель...

– А как дела у вашей белой голубки Рейниты?

– Прекрасно, прекрасно; каждый день она становится всё больше и больше девушкой.

– Да, я вижу, я вижу. Она становится сочнее и слаще тоже.

Сеньор Гамерсиндо поведал нам, что он сказал «сочнее и слаще» таким тоном, что, когда он мне это повторил, оно прозвучало в моих ушах как первые чёрные ветра, которые приходят перед ноябрьскими ураганами.

Мои глаза наполнялись яростью каждый раз, когда я слышал, как Дон Мигель небрежным тоном говорил о Марии, хорошо зная при этом, что она была моей девушкой. Для него это было как будто я вообще не существовал. Он говорил обо мне обычно также небрежно: «Ясинто – он всё ещё цыплёнок, неспособный вспорхнуть на голубку». Я тогда кусал мои губы и начинал мечтать о том, как я встречу его на своей лодке прямо на середине реки,

заросшей мангровыми деревьями, и вызову на бой в самом глубоком месте, где я схвачу его за горло и сожму так, что он поймёт, с кем имеет дело. Он поймёт, что человек, который всего за четыре часа может изрубить в мелкие щепки самое большое дерево в горах, сможет также протянуть свою руку женщине и увести её в горы, где она будет жить в достатке и сытости, не испытывая страха.

Сначала я пытался вести себя с ним смиренно и уважительно. Когда я встречался с ним на дороге, я сердечно приветствовал его: «Пусть Господь будет с Вами, Дон Мигель...». Но он никогда не отвечал на мои приветствия, и я хотел повернуться к нему и прокричать ему в лицо что-нибудь ужасное, и чтобы вены на моей шее вспухли от этого крика... но нет.

К сожалению, он был тем человеком, которому Президент доверил быть Законом в нашем городке. Кто может себе позволить даже попытаться сделать что-нибудь человеку с металлическим медальоном на груди, подтверждающим его власть? Если бы я только тронул его, мне пришлось бы спасаться от него бегством где-нибудь в горах.

Он оскорблял меня не то чтобы раз, но сто раз. Однажды, когда я был в городе, чтобы отнести в комиссариат немного сыра, я увидел его там стоящим облокотившись на стойку и произносящим отвратительные слова:

– ... голубка Сеньора Гамерсиндо? Ах – эта ... как только она взгромоздится на круп моей лошади, я её тут же увезу в горы...

Его помощник увидел, что я вхожу в помещение и, чтобы не дать разговору угаснуть, спросил:

– Что Ясинто сделает, когда обнаружит это?

– Ясинто? – Он усмехнулся, произнося моё имя, и передвинул кусок табачной жвачки во рту с одной стороны в другую движением челюсти, напоминающим то, которое делает жующий сено мул. – Я знаю, что он её очень любит. Я верну её ему, когда она ничего не будет стоить и мне будет уже не нужна. Объедки принадлежат собакам.

Я был так разъярён, что подошёл к нему сзади у коснулся его плеча кончиком своего мачете. При этом я сказал: «Не смейте так говорить, Дон Мигель, не смейте...».

Он не позволил мне закончить. Одним движением он отбросил меня на пол, и я сильно ударился головой о камень. Один из тех, на которых стояли корзины с рисом. Полный ненависти я вскочил на ноги и, размахивая над головой мачете, бросился на него. Следующим движением он опять отбросил меня и я снова упал. Кровь, вытекая из моей головы, покрыла собой пол в комиссариате. В отчаянии, я обхватил мачете двумя руками и пошёл на него в попытке разрубить его пополам, как я это обычно делаю со связкой бананов. При этом я что-то кричал:

«Ты сейчас увидишь, сукин ты сын...».

Он мгновенно развернулся, так что даже образовался лёгкий ветер, который обычно предшествует осеннему смерчу. Затем он надвинулся на меня и сделал обманное движение мачете справа налево, потом слева направо, как будто бы он хотел разрубить меня на части. Моё мачете упало на пол как консервная банка сардин, и я остался безоружным. Лицом к его лицу. Я увидел в его глазах что-то похожее на тайну, которую я никогда не видел в глазах других мужчин. Он поднял мачете двумя руками, а я закрыл голову своими. Он посмотрел на меня остановившимся взглядом. Это были глаза дикого кабана, с которым вы внезапно столкнулись во время охоты в горах и у которого за пару дней до этого вы отобрали его хрюкающих кабанят. Это были глаза чёрной ненависти, как у придорожного грабителя ночью. Он начал кричать, что он мужчина, на пути которого никто не имеет права вставать; что он гораздо больше мужчина, чем я. Владеющий мачете стократно лучше меня и всеми остальными видами боевых искусств тоже. Но вместо того, чтобы разрубить мою голову на две половинки, он стал наносить мне удары по спине плоской частью мачете. Он бил меня до тех пор, пока люди в помещении комиссариата не начали его просить не убивать меня.

Все знали, что Дон Мигель был человеком, чьи внутренности были нафарширована сотней дьяволов. Он не стал обращать внимания на просьбы людей. Вместо этого он пообещал разрубить каждого, кто осмелится приблизиться и вмешаться. Он поднял с пола моё мачете и выбросил его в окно прямо на середину дороги. Вслед за мачете он выбросил в окно и меня, прокричав вдогонку:

«Ты не тот ягуар, который может испугать моё стадо коров. Ты просто чудак!».

Он выскочил на дорогу, приплясывая и смеясь. Каждому встречному он рассказывал о том, что сделал со мной. Люди из комиссариата собрались вокруг меня, пытаясь привести меня в чувство и прикладывая компрессы, смоченные в виски, к моей голове. Моя спина была сплошное кровавое месиво. О, как мне хотелось быть мужественным!

Это было правдой. Я действительно не представлял из себя даже детёныша ягуара против человека, у которого сердце было нашпиговано сотней дьяволов. Сам Дон Мигель представлял из себя настоящего свирепого ягуара, который изводил целые стада на больших ранчо в нашем городе. Даже огромный бык с острыми рогами не мог остановить его, когда он тащил в зубах свою очередную жертву, гордо вышагивая с ней, как будто бы сам он был посланцем ещё большего «хозяина», от которого и полу-

чил заказ. Мария Рейна говорила нам, что уже несколько раз он пытался взять её силой, когда она полоскала бельё на речке. Однажды, когда она возвращалась домой, он попытался поцеловать её, но она плюнула ему в лицо. Тогда он вынул мачете и ударил её плоской частью по спине точно так же, как делал это со мной. Потом ударил её босой ногой, после чего она целую неделю пролежала в постели. Но Дон Мигель действительно был человеком с сотней дьяволов внутри своего сердца и шагал по жизни как то животное с сотней пар ног, оканчивающихся острыми когтями. Он стал объектом ненависти многих, и, в первую очередь, всей семьи Марии Рейны и меня.

Один старый умудрённый человек сказал: «Почему ты не женишься на ней? Тебе уже тринадцать. И тогда этот человек может быть отстанет от вас». Мне было уже четырнадцать, но я не мог даже думать о том, чтобы жениться до тех пор, пока я не стану настоящим мужчиной. До тех пор, пока я не научусь владеть мачете. И тогда ни один ягуар, каким бы большим он не был, не сможет подойти к моему дому, распевая любовные песни моей женщине. С каждым днём я всё больше и больше работал на земле, сознавая, что это делает меня лучше. По ночам, когда луна была такой же светлой, что и рассветные лучи, я шёл в банановую рощу и, вытащив нож, втыкал его раз за разом в свою собственную тень на земле, после чего

тем же ножом пытался разрезать прямо в воздухе пролетающую мимо муху или другое насекомое. Позже, немного устав, я начинал мечтать о том дне, когда я приду в комиссариат, и там сидит Дон Мигель, уставившись в донышко пустого стакана. Я подойду к нему и резко взяв за плечо разверну лицом к себе. Затем голосом, который услышат все в городе, я скажу ему:

«Дон Мигель, вот он я – твоё порождение. Не хочешь ли опять поиграть со мной в разъярённого ягуара?».

Недели и месяцы прошли, сделав меня на год старше. С каждым днём Мария Рейна становилась всё прекраснее. Дома она откармливала поросёнка, которого я подарил ей на день святого Франциска. Когда поросёнок станет большим, говорила она, мы сможем его продать и приобрести много разных вещей. Она хотела поехать в Пунтаренас и там всё это купить: обувь, белый шарфик и мягкую одежду для нашей свадьбы, которую мы назначили на восьмое декабря, когда должен будет приехать священник, чтобы организовать празднование дня Непорочного Зачатия.

Мы очень надеялись, что вскоре придут большие изменения. Вместе с новыми выборами. И если старый президент уйдёт, то к нам в город пришлют более уважаемого человека, чтобы представлять закон. Мы знали, что как только у Дона Мигеля отберут его револьвер, он тут же уберётся из города и уедет куда-нибудь подальше. Мы так же знали, что

бедные люди беспомощны и им всегда не везёт. И хотя мы все голосовали за партию, не имеющую власти, она почему-то проиграла. Дон Мигель не только остался в нашем городе, но ему даже повысили зарплату до тридцати долларов в месяц и прислали новую винтовку, которую с тех пор он использовал для охоты на диких кабанов.

Сегодня я всё помню и ощущаю так же. Так же, как было и тогда. Как будто то, что случилось тем утром, произошло прошлой ночью; у меня это выгравировано в памяти и стоит перед глазами, как одно из тех событий в жизни, которое вы не можете и не должны забыть. Сеньор Гамерсиндо и его жена пришли к моему отцу все в слезах и рассказали, что Дон Мигель пришёл к ним в дом и потребовал Марию Рейну. Девушки бросились прятаться. В доме не было никого кроме Сеньора Гамерсиндо. Используя своё положение и преимущество в возрасте, Дон Мигель вынул револьвер и приставил к голове пожилого человека. Затем он потребовал, чтобы Мария Рейна вышла. В противном случае он пообещал выстрелить Сеньору Гамерсиндо в голову, как будто бы это была голова дикого кабана.

– Почему Вы так хотите её увидеть, – беспомощно спросил старик.

– Это не твоё дело, – грубо ответил незваный гость. – Пусть выйдет. Я не сделаю ей ничего плохого. Я только хочу посмотреть на неё.

Донья Маргарита, опасаясь самого худшего, однако, позвала Марию и её сестёр. Дрожа, девушки вышли из своего укрытия и предстали перед Доном Мигелем. Увидев Марию, он убрал револьвер в кобуру, достал из-за пояса верёвку и связал руки девушки. После этого он привязал её к седлу и одним движением запрыгнул на коня. Стоящим рядом он объявил громким голосом, что Мария Рейна арестована именем закона и немедленно последует за ним. Что затем и произошло. Сеньор Гамерсиндо рассказывал всё это, время от времени разводя руки в стороны жестом безысходности и с выражением отчаяния в глазах.

Прошло три дня. Весь город только и говорил с негодованием о том, что произошло. Некоторые предлагали созвать людей и выбрать представителей, чтобы послать их к Президенту, но другие им напомнили, что Дон Мигель бесстрашно сражался на стороне Президента в последней революции и теперь с уверенностью мог рассчитывать на безграничную помощь и доверие победившего Лидера. Последствия могли быть нехорошими. Они говорили, что как только они придут во дворец к Президенту, их тут же всех арестуют и отведут в тюрьму в кандалах и с цепями вокруг каждой шеи. Сеньор Гамерсиндо, раздавленный горем и сгорая от стыда, пошёл в то место, где Дон Мигель удерживал девушку и попросил его жениться на ней.

«Ты с ума сошёл, Гамерсиндо? – Ответил он лениво. – Да и не хочет она за меня замуж... К тому же, как женщина она мне больше совсем не интересна. Скажи этому свинопасу Ясинто, что ночью я оставлю её на дороге в Альто дель Зончо. Пусть приходит один и забирает её...».

Остаток дня я провёл с «сердцем у самого горла». Я ещё не научился тогда плакать, чтобы облегчить страдания, поэтому всё это время я думал и думал. Ни одно банановое дерево не избежало своей участи. Я порубил их всех своим мачете на мелкие части. До самого основания...

Я шёл по дороге в Альто дель Зончо. Туда, куда мне было сказано идти, с дьявольским желанием, заполняющим пространство внутри меня между грудью и спиной. Мои мысли были настолько прозрачными, что их можно было бы легко перерубить мачете одним лёгким движением. Мои родители остались дома в окружении Сеньора Гамерсиндо, Сеньоры Маргариты, братьев и сестёр их девочки Марии. Я шёл туда наполненный гневом. Рядом с большим деревом авокадо я нашёл Марию Рейна сидящей на одном из корней дерева. Дон Мигель, возвышающийся в седле с видом победителя и с правой рукой на рукоятке револьвера, поприветствовал меня:

«Привет, свинопас! Ты помнишь, я говорил тебе, что объедки принадлежат тому, кто сам из себя представляет объедки. Забирай. Вот эти объедки теперь твои».

Пришпорив коня, он исчез в темноте.

Мария Рейна молча сидела под деревом, зажав лицо между ладонями, и тихо плакала. Звук стонущего зверя раздался вдалеке, как будто от тоски зарыдали горы. А может это был ветер, запутавшийся в ветвях?...

Дон Мигель прятал Марию в домике, который он построил заранее, как часть своего злодейского плана похищения девушки. Всё это время, пока он был с нею, я постоянно думал о том, что я ей скажу, когда опять окажусь рядом. Я присел к ней и взял в руки её миленькое личико. Я немного приподнял его, чтобы Мария могла увидеть первые ночные звёзды своими заплаканными глазами:

«Сейчас уже ночь, любовь моя. Посмотри на эти звёзды. Они говорят нам, что им хотелось бы видеть нас дома».

Обычно раньше, когда мы гуляли по ночам, я точно так же брал её лицо в руки и просил посчитать звёзды на небе. Смеясь и сбиваясь Мария считала, а я в это время покрывал ей лицо поцелуями. На цифре сто мы заканчивали счёт, потому что дальше мы считать не умели. В этот раз всё было не так. Она была безразлична и ко мне, и к звёздам. Она не промолвила ни одного слова и не взглянула на небо. Молчаливым жестом она предложила мне пойти вперёд, а сама поплелась за мной. По-прежнему молча. Я слышал её неуверенные шаги, ступающие по мягким листьям. Даже когда она спотыкалась о корень

дерева или упавшую ветку, она не произносила ни звука. Ни одного «ай», ни единого «ой». Только однажды я услышал звук, подобный тому, который я уже слышал в эту ночь. Это был то ли стон, то ли печальный вздох пронёсшегося рядом порыва ветра. Но я не обернулся. Я был целиком погружён в мысли.

Это были мысли о любви и о любовниках. Насколько же мерзким становилось это слово, грязным, отвратительным, когда я только на мгновение представлял себе, что с ней делала эта горилла. От этого мне становилось холодно, как в ветренную ночь на пастбище. С того места, где мы шли, были видны огни керосиновых ламп, двигающиеся от дома Сеньора Гамерсиндо. Лампы несли сёстры и братья Марии Рейны. Огни двигались, как будто они разговаривали между собой о чём-то. Или просто ждали, когда мы придём…

Я почувствовал её мягкую руку на своём плече. Я повернулся и с удивлением увидел мольбу в её глазах. Когда Марии не хватало слов, она вот точно так, как сейчас, начинала говорить глазами. Я понял, что она хотела мне сказать. Её рука крепко сжала мою. Тогда я крикнул Сеньору Гамерсиндо, что его дочь со мной. Затем мы пересекли пальмовую рощу и по знакомой мне дороге пошли к домику Хуана, который был заброшен со времени последней эпидемии жёлтой лихорадки. Эта эпидемия опусто-

шила весь регион от реки до отдалённого берега океана. Её рука подрагивала между моими ладонями. Она была горячая, как только что вынутая из печки бобовая лепёшка, и мягкая, как пёрышки цыплёнка. Ветер за нашими спинами продолжал завывать в ветвях деревьев, как будто оплакивая нашу боль.

Она никогда не говорила, но я вам скажу, что она страдала от боли. Она, эта боль, всегда проглядывалась сквозь тени, образовавшиеся вокруг её заплаканных глаз. Она мне напоминала собирающиеся на подоконнике дома капли непрекращающегося дождя, постепенно превращающегося в вечность. Она всегда грустно ходила вокруг нашего места в этих грубых мужских ботинках, которые я ей купил недалеко от комиссариата для того, чтобы на её ногах, наконец, исчезли волдыри, неизбежно появляющиеся каждый раз после работы в поле. По ночам, которые было невозможно сосчитать, когда она не могла уснуть, а я просто притворялся спящим, я слышал, как где-то вдалеке пели сверчки. Звуки этой песни проникали сквозь джунгли, как бы просверливая в них отверстия, и тогда вдруг они слышались совсем близко. Но всё-таки чаще они были где-то далеко. Как утро, которое, как казалось, никогда не наступит. Лёжа рядом я представлял, как мучалась её память. Даже моя любовь не могла облегчить эти муки и заставить её забыть.

Месяцы приходили и уходили. Наконец, пришло и счастье, а с ним ушла боль. Я всегда любил цветочные сады. Мария Рейна поливала их на патио, и вьющиеся растения с голубыми цветами устремлялись вверх, цепляясь за стены дома. Весь дом был увит цветами. И рядом с домом тоже везде были цветы. От самого забора и до родника, откуда вода по бамбуковому жёлобу подавалась прямо к дому. У нас была печь, в которой Мария Рейна пекла очень вкусный хлеб. Она научилась этому у людей из Картаго. Помимо этого у нас были курицы и много цыплят. Каждый раз, когда я бывал в соседней деревне, я пытался раздобыть календарь с картинками, на которых были изображены цветы, животные и другие вещи. Моя жена развешивала их по углам трёх комнат нашего дома. Она была красивее, чем когда-либо, и я всё время восхищался ею. Когда мы гуляли вдоль оврага, мне всё время хотелось чем-нибудь её удивить. Особенно тогда, когда она начинала расчёсывать свои золотые вьющиеся волосы, как лепестки бобовых цветов спадающие на её лоб подобно тому, как они это делают во время цветения в поле.

Чудесными полднями, когда мы спускались вниз по реке, чтобы там половить рыбу, я любил рассказывать ей весёлые истории. Она смеялась, обнажая свои зубы настолько белые, что они казались белее цветущих бутонов апельсинового дерева. По утрам, когда я брал не-

большой топорик и собирался идти на расчистку в заросли, она всегда перед тем, как дать мне с собой бутыль воды с листиками мяты, целовала меня особым долгим и сладким поцелуем, который потом служил мне отличным тоником перед тяжёлой работой на заросшей дикой земле, покрытой пнями и корягами и до поры до времени непригодной для выращивания риса, бобов или маиса. Она всегда имела для меня что-то особое на прощание. Чаще всего это был взгляд её глаз, полный спрятанной глубоко на самом их дне искренней благодарности.

Мой дом был далеко от города и даже ещё дальше от того места, где начинался долгий подъём от деревни, по главной улице которой во множестве гуляли девушки, готовые к вступлению в брачные отношения. Эту улицу люди прозвали когда-то Дорогой Одиноких Девушек. Дом находился достаточно близко от реки и к нему нельзя было проехать на лошади. Часть пути вы могли преодолеть только на лодке. Мы никогда не ездили в город, потому что вы прекрасно знаете, что в маленьких городах никто и никогда ничего не забывает. Как только моя жена там появлялась, история её бесчестья тут же начинала свой бег из одного дома в другой. Люди в городе были глупы и бездумны в своих суждениях. Особенно тогда, когда это касалось женских грехов. Даже по отношению к Марии Рейна, в случае с которой её вины вообще не было. Раз в месяц к нам обязательно приезжал кто-нибудь из род-

ственников Марии. Сёстры или сам Сеньор Гамерсиндо. Они тут же начинали нас мучать вопросами о том, когда мы уже, наконец, заведём своего первого ребёнка, потому что время идёт... Мария Рейна обычно отшучивалась в ответ, упирая на то, что мы ещё слишком молоды, чтобы заводить своих детей. Но я знал, что эти разговоры ей не нравились. После каждого упоминания о детях она впадала в невесёлое и немного задумчивое состояние. В углу дома стояла детская колыбель, которую Мария Рейна где-то купила, я не знаю где. Колыбель была отделана цветной кисиёй и заполнена маленькими разноцветными лоскутками, на которых она вышивала в свободное время. Кроме того там же находились деревянные башмачки, разные капюшончики и какая-то детская одежда.

Со времени нашей трагедии прошёл год. История потихоньку начала терять свои очертания и забываться. Только иногда о ней вспоминала какая-нибудь старая женщина, им вообще свойственно хранить в глубинах своего сердца малейшие детали. И тогда кому-то опять становилось больно.

Несколько раз мы с Марией выбирались в горы, откуда возвращались с добычей – кроликами или дикой козой. Мария Рейна обязательно приносила с собой цветы для нашего сада. Мы были счастливы и не было ничего в мире более важного, чем это счастье двух влюблённых. Мы больше ничего не хотели.

Это произошло в полдень. Полдень был такой же, как обычно, и я не могу избавиться от мыслей о нём, потому что он проделал огромное отверстие в моей жизни, подобно тому, которое оставляет дятел в твёрдом стволе обычной пальмы. Я направлялся вверх по реке. Внезапно я увидел Дона Мигеля, который двигался навстречу мне в своей зелёной лодке. Увидев его я испытал сразу два чувства – страх и боль, что было в общем-то одно и то же. Я перестал грести, и он в своей дьявольской манере поприветствовал меня, как будто наша встреча ровным счётом ничего не означает:

«Привет! – Его смех достиг излучины реки. – Как тебе живётся с моей голубкой?». – «Моей голубкой» он произнёс звенящим, как бы стеклянным, голосом.

Я не ответил, и тогда он заржал с этой своей чёрной, кривой и отвратительной усмешкой, настолько не похожей на человеческую, насколько на самого человека не похож деревянный столб посреди заброшенного дома.

Страшное предчувствие двумя руками обхватило мою голову и с силой сжало её. Я быстро догрёб до берега около своего дома и выпрыгнул из лодки. Не обращая внимания на то, что течение подхватило лодку, я бросился к дому. Там я нашёл Марию Рейна обнажённой и распростёртой на нашей кровати. Она безнадёжно плакала, спрятав голову между своими ладонями. Её одежда была в клочья

разорвана, а мебель в доме перевёрнута. Всё выглядело так, как будто здесь было целое сражение между слабой девушкой и этим ужасным человеком. В углу дома рядом с очагом котёнок игрался с её красными трусиками, которые тоже были разорваны в клочья. Её тело было покрыто синяками и кровоподтёками.

Я схватил мачете и бросился к реке. Зелёная лодка Дона Мигеля стояла поодаль, как бы издеваясь надо мной в той же наглой манере, что и её хозяин. Не раздумывая я набросился на эту зелёную гадину и в считанные минуты изрубил её в щепки. Дона Мигеля нигде не было. Много позже я узнал, что пока я «разделывал» его лодку, он сам прятался в кустах неподалёку. Ему доставляло удовольствие видеть мою ярость и моё бессилие. Он опять смеялся надо мной. Свою лодку мне искать не пришлось. Она благополучно застряла в мангровых зарослях неподалёку.

Я вернулся в дом и взял на руки мою любовь. Затем я завернул её в пончо и положил обратно в кровать. В течение нескольких дней я не отходил от неё, стараясь убедить Марию Рейна в том, что происшедшее не имеет для меня никакого значения. Тщетно! Никогда с тех пор она не была больше той Марией, которую я знал и которую очень любил. Она перестала «светиться», точнее, её лицо навсегда потеряло свой внутренний свет и ту озорную способность меняться, как меняется вода в потоке, ударяясь о камни.

Она, моя королева, у которой руки всегда были чище, чем берега реки, теперь смотрела на саму себя, как на бесконечно униженное, грязное и несчастное существо. Её счастливое настроение исчезло навсегда, как исчезают упавшие в воду листья, увлекаемые быстрым течением.

Убить!!!

Убить так, как это делают люди в горах. Пусть бессмысленно и жестоко, но убить. Я не мог оставить это как есть. Он заслужил смерть точно так же, как её заслуживает ядовитая змея, обитающая в горах или на берегах реки. Которая только и ждёт, когда кто-то зазевается и тогда она безжалостно вонзает в него свои зубы, наполненные ядом. Потом она ждёт до тех пор, пока у жертвы не пойдёт ртом пена, как будто её укусил бешеный койот, а не змея. В конце концов, если убить ещё одно такое мерзкое животное, то в мире ничего не изменится. Я и так достаточно много до этого убил опасных тварей. Однако, что-то внутри меня заставило почувствовать страх: «Убить человека... Что я буду чувствовать, когда стану его убивать?». Я представил, что я подошёл к нему сзади и нанёс точно такой же рассчётливый удар, которым убил не один десяток змей. Только один, но окончательный и смертельный. Так, чтобы больше ни одного вздоха... «Нет! Наверное, надо дать ему возможность что-то сказать Богу перед

смертью. Чтобы он попробовал ему объяснить, почему он жил дьявольской жизнью». Но, думая об этом, я вдруг решил, что таким людям, как Дон Мигель, нельзя давать возможность раскаяться. Наоборот, надо, чтобы их души представали перед воротами ада без раскаяния и без надежды. Чтобы они ответили за всё сполна.

Я знал все движения Дона Мигеля. Когда и куда... Я их чувствовал сердцем. Например, я знал, что он вообще не умел плавать. Было бы достаточно просто подловить его на лодке... но всё-таки проще выглядела попытка поймать его в клубе или в каком-нибудь баре, когда он пьян и беспечен, и тогда... тогда я разрублю его голову на две половины. С большой тщательностью я всё подготовил. Обычно так я всегда готовился к охоте на кабана в горах. В конце концов им – то будет совершенно не обязательно окружать меня и убивать как какого-нибудь зверя. Нет. Это не обязательно. Я заберу у Дона Мигеля его револьвер и... Хватит ли у меня смелости сделать это? Если не хватит, то тогда они меня свяжут и отправят через горы в столицу к Президенту для того, чтобы он мог посмотреть в глаза человеку, который убил его ближайшего сподвижника и друга. Но это мне вряд ли поможет, когда я буду рассказывать Президенту, что я был счастлив до тех пор, пока он лично сам не дал полномочия и должность Мистер Власть этому бандиту.

Как раз именно этим утром один из моих друзей, Закариас, собирался поехать в город, чтобы сообщить Дону Мигелю, что недалеко от Дороги Одиноких Девушек по направлению к Изгибу Койота он видел человека с баррелем виски. Этого было достаточно, чтобы Мистер Власть погнался за новой жертвой. А я бы ждал его за одним из этих поворотов реки, из-за которого он обязательно должен будет выплыть после того, как минует Изгиб Койота. И тогда я позабочусь о нём точно так же, как я бы это сделал с ягуаром, разорившим моё стадо коров.

Моя девочка хранила молчание, чего не случалось долгое время. Потом она положила кусок жареного банана на мою тарелку и посмотрела на меня таким странным взглядом, как будто она знала что-то такое... Затем она сказала с оттенком угрозы в голосе: «У меня будет ребёнок... его».

Каждый шорох в горах заставлял меня нервничать, а ожидание казалось более долгим, чем я мог себе представить. Поначалу я думал, что минуты и часы пробегут быстро и затем этот момент настанет. Настанет!

Мария Рейна была ребёнком с золотыми волосами... Сказать этому грязному борову, что ... и мы собираемся иметь свой дом и завести много детей, как ... Мы женаты? Просто как женщина она мне больше не интересна ... мы – это два сердца ... в её поцелуях спрятан новый мир. Она твоя ... но она оказалась на самом дне этой жизни.

Я услышал мягкий звук, который делает весло в воде. Это был Дон Мигель. Ещё немного и он войдёт в Ущелье Смерти. Всего десять футов отделяет нас ... сейчас он окажется здесь ... камень упадёт на его голову и потом мачете ... на мелкие кусочки. Лодка всё ближе и ближе. Мои руки перестали дрожать. Облако ненависти накрыло меня ...

В этот момент я услышал звук позади себя. Я резко повернулся и увидел глаза Марии Рейна. Она в упор смотрела на меня, и в них я не нашёл слова «да». Мария смотрела на меня с такой болью, что моя ненависть тут же померкла ... Он оказался прямо подо мной ... сейчас! Я опять почувствовал её взгляд ... и камень остался там, где лежал среди сухих листьев.

Маленькая девочка начала свою жизнь в атмосфере любви. Для меня казалось невозможным не любить ребёнка Марии Рейна.

Поначалу она думала, что я изменюсь, но я не мог измениться. Всё, что случилось с нами, было одной большой трагедией, которые часто случаются в горах. Нас укусила змея, а река оставила своё привычное русло и направилась к морю, разрушая и унося с собой дома и ранчо; крысы потеряли самообладание и начали свою разрушительную работу; ягуар наткнулся на брошенного ребёнка и разорвал его, затем то же самое сделал с одиноким стариком;

барсук – этот горный зверь – забрался в дом в то время, когда там спал маленький ребёнок, а мать, занятая стиркой белья, находилась около реки... Затем произошло вот что ... Барсук пробрался в дом через соломенную крышу, а когда позже ушёл, то оставил нам то, что оставил ...

К счастью, черты маленькой девочки повторяли Марию Рейна и, если честно, то я не мог себе представить, как можно не любить этого ребёнка, и я в самом деле очень её любил.

Кто знает, как этот жалкий мерзавец узнал правду? Когда он встретил меня в городе, он подошёл ко мне и, протянув мне свёрток, сказал: «Это для девочки...». Он сразу же ушёл с опущённой вниз головой, как будто ему было стыдно за то, что он делает. Я развернул свёрток и нашёл в нём немного денег и подарок для ребёнка. Я взял деньги и выбросил их в реку, а подарок отдал девочке. Но Мария Рейна прознала о случившемся и выбросила куклу туда же, куда я выбросил деньги.

Мы жили простой повседневной жизнью. Мария Рейна превратилась в женщину, а я ещё больше стал походить на взрослого мужчину. Мне было почти шестнадцать. Земля, которую я пытался отобрать у джунглей, с утра до вечера очищая её метр за метром от деревьев, колючек и кустарников, становилась всё больше. В один из дней я насчитал тридцать пять акров. Это была моя земля!

Я подумал о том, что было бы правильным поехать в Пунтаренас и нанять специального человека, чтобы он её измерил и выдал мне документ на право владения землёй.

Дочке исполнилось два года. Затем, как будто бы того, что случилось, было недостаточно, боль снова постучалась в дверь моей жизни. На этот раз она пришла, чтобы поселиться в ней навсегда. Был конец декабря, и река, наконец, перестала подниматься. Зима ещё спала и собиралась спать до последнего дня дождливого сезона. Но в наших местах, там, где высокие горы, дожди заканчиваются ещё позже. А до этого они всё так же заставляют реку выходить из берегов, бурлить и угрожать. Мария Рейна молола кофейные зёрна. От глиняного сосуда, за которым она наблюдала, шёл аромат обжаренного кофе. Немного помешав его содержимое, она вернулась к кофемолке, напевая негромко свою любимую песенку. Я сидел на скамейке, пытаясь выстругать ножом из куска дерева ножку для стула. Ребёнок играл около очага со стеклянной бутылкой, наполненной таблетками от головной боли. Внезапно бутылка выскочила из её рук и ударилась о ножку кофемолки, разбившись при этом вдребезги на множество осколков. Я услышал, как Мария Рейна, не отрываясь от работы, проговорила: «Не оставляй осколки. Они могут порезать. Лучше выброси их в реку».